

Морис ДРЮОН, французский писатель:

За три тысячи лет человек почти не изменился

Известия, — 2003, — 15 Янв. — с. 3

Вчера вечером в Москву прилетел знаменитый французский писатель Морис Дрюон. Многие числят его современным Дюма, но он — наш современник. Дрюон примет участие в презентации своего трехтомника, вышедшего в издательстве ОЛМА-ПРЕСС. Знаменитого писателя примет президент России, который тоже наверняка когда-то сдавал макулатуру, чтобы стать счастливым обладателем «Железного короля», «Узницы Шато-Гайара» или другого романа из знаменитой серии «Проклятые короли». В аэропорту «Шереметьево-2» Мориса ДРЮОНА встречала обозреватель «Известий» Юлия РАХАЕВА.

— Один из важных моментов вашего визита — встреча с президентом России. Что вы думаете о Владимире Путине?

— За семь лет, что я не был в России, здесь произошел большой прогресс. Изменилась не только экономика, но и, как мне кажется, менталитет. Во всем этом я вижу огромную заслугу президента Путина и очень жду встречи с ним. Для меня это огромная честь.

— О чем вы будете с ним говорить?

— Я ему скажу то, что хочу сказать, а он — то, что захочет сказать он. Думаю, мы будем говорить о культурных связях Франции и России.

— В 1957 году, когда в СССР вышла ваша первая книга, вас уп-

рекали в переоценке роли личности в истории. Что вы думаете об этой роли сегодня?

— Очень точно об этом сказал Толстой: «История не делается без великих людей, и когда их нет, значит, история плохо делается». Обязательно побываю в Музее Льва Толстого — слишком многим я ему обязан.

— Видите ли вы масштабные фигуры в современной истории?

— Конечно, и многих из них я знал. Во-первых, это генерал де Голль. Я встречался с Уинстоном Черчиллем.

— А сегодня?

— Мы узнаем об этом завтра.

— Когда-то вы сказали, что если копнуть любого француза, в нем обязательно окажется что-то русское. А если копнуть вас?

— Среди моих многочисленных корней есть и русские. Семья Кессель (фамилия родного отца писателя. — Ю.Р.) — с Урала, из Оренбурга. Но в моем роду есть и бразильские, и эквадорские корни.

— Насколько интенсивно вы живете?

— Чересчур. Я веду рубрику в газете «Фигаро», работаю над мемуарами.

— Не обидно ли вам, что у нас вас знают в основном по книгам серии «Проклятые короли»? Не планирует ли кто-нибудь переиздать, например, трилогию «Сильные мира сего», за которую вы были удостоены Гонкуровской премии?

— Мне об этом ничего не известно, но я был бы очень рад.

— Правда ли, что в советские времена, публикуя ваши романы многомиллионными тиражами, вам не платили ни копейки?

— Я благодарен советской власти за то, что она меня издавала несмотря ни на что. Но сегодня я очень рад, что новая Россия руководствуется нормами мирового юридического права.

— В бытность вашу министером культуры пытались ли вы проводить протекционистскую политику в пользу французской культуры?

— Нет, я считаю, что преимущество должно иметь то, что это действительно заслуживает.

— Приносит ли результаты ваша борьба за чистоту французского языка?

— Я против унификации, лингвистической или культурной. Языки должны сохранять свою чистоту, хотя бы для того, чтобы было, чем обмениваться. Мне нужен настоящий, чистый русский язык, живая русская литература. Я за то, чтобы его больше изучали во Франции. А французский — в России.

— Что вы имели в виду, когда как-то сказали, что мы и сегодня продолжаем отчасти жить в средневековье?

— Прихожу к выводу, что даже и не в средневековье, а в доисторическом времени. Три тысячи лет назад не было ни телевидения, ни пенициллина, ни компьютеров. Это все очень важно. Человек физически стал крупнее, но существенно изменился не сильно.

